

Щеглова Светлана Николаевна, доктор социологических наук,
профессор Российского государственного социального университета.

Детство будущего. Опыт проведения качественного социологического исследования по произведениям социальной фантастики.

Резюме:

В статье представлены результаты анализа 36 произведений социальной фантастики второй половины XIX - начала XX веков, выявлены основные тенденции трансформации детства, отображаемые в литературных текстах. Для анализа отобранного материала применялся интерпретационный метод. В литературных текстах происходит репрезентация жизни в ее потенциальных возможностях, выявлены пять основных сценариев развития детства: дети — надежда мира; угроза взрослому сообществу; посредники в общечеловеческих делах, контактах и конфликтах; символы негативного мироустройства, символы новых позитивных перемен.

В произведениях социальных фантастов отображена проекция сегодняшней оценки молодого поколения, ощущается настоятельное требование переосмысления подходов к воспитанию, образованию детей, установления лояльных межпоколенческих отношений, активизации деятельности общества и государства в поддержку детей.

The results of the analysis of 36 works of a social fantasy of second half XIX - the beginning of XX centuries are presented in article, the basic tendencies of transformation of the childhood, displayed in literary texts are revealed. Interpretational method was applied for the analysis of the selected material. Representation of life in its potential opportunities occurs in literary texts, five

basic scripts of development of the childhood were revealed: children as hope of the world; threat to adult community; intermediaries in universal affairs, contacts and conflicts; symbols of negative world lay-out, symbols of new positive changes.

In social fantast writers works the projection of a today's estimation of young generation is displayed, the urgent requirement of reconsideration of approaches to education of children, establishments of loyal intergenerational relations, activity of a society and the state in support of children is felt.

Современное детство, на наш взгляд, - сложное социальное образование, оно может быть определено как совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей, выраженных в действиях и языке. Детство формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, интегрирующихся в социум. Детство активно трансформирующийся элемент общества, испытывающий влияние множества факторов и условий. Детство начала XXI века обладает рядом уникальных отличительных характеристик. Оно является результатом целенаправленных проектов и неосознаваемых действий социальных акторов прошлого. Социальные акторы активно рефлексировать о возможных изменениях этого социального образования, на это их стимулирует общая устремленность детского периода в будущее. Рефлексия относительно трансформаций детства происходит в научных и художественных формах.

Одним из возможных источников получения знаний о детстве являются литературные произведения. Существует мировая традиция художественного изображения детства. Она представлена в классических произведениях Ж.Санд, Ч.Диккенса, Ф.М.Достоевского, А.И.Куприна, Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, А.М.Горького и многих других писателей. В литературоведении отмечен тот факт, что в русской литературе ребенок

часто выступает представителем божественной тайны, детское состояние изображается как естественное, незамутненное и неиспорченное жизнью. В качестве негативного в данных произведениях рассматривается прежде всего система воспитания. "Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней. Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений", — так писал Лев Толстой в своем автобиографическом произведении.

Художественный текст как источник антропологического знания находил свое отражение в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. М. Лотмана. Однако, обращение к анализу литературных произведений социологов явление достаточно редкое. Так, И. В. Проневская, изучая художественные произведения XIX–XX веков на основе качественного анализа с дополнительным применением контент-анализа, сделала вывод о различиях в количестве детей, в желаемости и предпочтениях детей, зафиксировала особенности социализирующих факторов, социальных связей "родители-дети", собрала данные о наказаниях и поощрениях детей. Социологическая школа МГУ в последние несколько лет подготовила ряд заметных публикаций по трансформации семейных отношений в современной семье с анализом текстов анекдотов, частушек, эстрадных песен. Екатеринбургский исследователь-педагог В. Н. Ханин считает произведения русских писателей важнейшим источником получения знаний о семейном и внесемейном воспитании и образовании детей прошлого столетия.

Анализ литературных текстов социолог проводит как моделирование области человеческой деятельности, т. е. изучает особенности социальных процессов, качественные характеристики проблем, закономерности функционирования элементов общества.

В нашем исследовании мы сосредоточили внимание именно на тех литературных произведениях, в которых действие отнесено в будущее и которые обычно принято называть научной фантастикой. Известны подсчеты

точности научных, технических и технологических предвидений крупнейших фантастов прошлого (у Г. Уэллса — 40%, у Ж. Верна и А. Беляева — по 90%). Фантасты описали подводные лодки, двигатель внутреннего сгорания, солнечные батареи, телефон, телеграф, радар, пластмассу. Телевидение было предсказано французом Робидо еще в конце прошлого века.

Мы полагаем, что такие произведения могут помочь и в рассмотрении социальной перспективы. Однако следует заметить, что не любой фантастический текст подлежит такому анализу. Мы выделяем для изучения произведения социальных фантастов, которые составляют большой, но не единственный пласт в этом литературном течении, оставляя за рамками анализа стиль “фэнтези”, “историческое” и “техническое” направления.

Социальные фантасты в отличие от прогнозистов и проектировщиков чаще всего оперируют качественными, а не количественными фактами, раскрывая возможные изменения в социальной, психологической, моральной, ценностной, управленческой сферах развития общества. Выдающиеся социальные фантасты давали очень точную характеристику своему творчеству. Станислав Лем писал: “В сущности, говоря о будущем, о жизни на далеких планетах, я говорю о современных проблемах и своих современниках, лишь облаченных в галактические одежды”. Аналогично высказывался О. Хаксли: “Все пророчества интересны главным образом тем, что они проливают свет на эпоху, в которую они родились... Наши представления о будущем... выражают наши современные страхи и надежды”. Многие фантасты уверены в собственной особой миссии: “Мы будущее не предсказываем, мы его предотвращаем”, — утверждал Рей Бредбери. В этом случае не имеет принципиального значения насколько отдаленное будущее обрисовывается писателями.

В литературных произведениях репрезентировано то, что в человеческом социальном действии сегодня уникально, что в количественных социологических исследованиях, как правило, не

принимается во внимание, но также значимо для социальной теории, и может быть проанализировано с помощью примененного нами метода.

Обозначим наши подходы к примененным процедурам исследования. Для сбора данных нами использовался качественный анализ. Его особенностью являлось то, что анализировать данные мы начинали на ранних стадиях их сбора, таким образом общий анализ не завершал работу, а продолжался в течение всех стадий изучения. При этом во время чтения происходила постановка исследовательских вопросов об извлекаемых данных, фиксировались значимые находки в виде заметок и комментариев к ним. Для анализа отобранного материала применялся в основном интерпретационный метод, так как язык художника серьезно отличается от языка науки.

Отдельных сборников фантастических произведений, посвященных теме детства, не издавалось (хотя нам удалось обнаружить собрания по таким “экзотическим” темам, как “Музыка” и “Погода”). Тексты, выделяемые нами для анализа, должны были соответствовать следующим качествам:

- иметь определенные художественные достоинства (были выбраны опубликованные в авторитетных издательствах произведения выдающихся или известных авторов);
- освещать проблематику детства;
- раскрывать смысловую картину взаимодействия детского и взрослого миров.

Параметрами анализа детства как художественно осмысленного будущего мы приняли: темпоральность детства (возрастные границы, периодизация), характер взаимодействия между взрослым и детским сообществами, содержание мировоззрения ребенка, его деятельности (наличие игровой, учебной и иной деятельности), процессы становления определенных личностных качеств ребенка, механизмы формирования социального субъекта, технологии реализации государственной политики по отношению к детям.

Всего нами было обнаружено и взято для анализа 36 соответствующих выдвинутым нами параметрам произведения писателей-фантастов второй половины XX века – начала XXI века.

При анализе мы воспользовались методикой наложения на художественную ткань произведения матрицы представлений сегодняшнего времени о возможных трансформациях детства. Концепции, отражающие эти представления, подробно описаны нами в других работах, поэтому перейдем к последовательной презентации наиболее оригинальных из проанализированных нами текстов.

В классических романах советского периода И. Ефремова “Туманность Андромеды” и “Час быка” представлен достаточно четкий образ детства, являющийся частичной проекцией представлений о детстве того времени, когда романы увидели свет (50-е годы). К числу таких взглядов нами отнесена попытка обоснования крайне долгого периода самого детства: от 1 года до 16 лет дети учатся, после окончания школы начинается трехлетний период “подвигов Геракла” — выполнение практических заданий среди взрослых под постоянным вниманием специалистов-менторов. “ Вы — маленькие люди, по мере роста и воспитания превращаетесь в качественно разумные существа”, — лейтмотив воспитательного процесса, который строго дисциплинирован и является коллективным. Учителям, воспитателям отводится особая роль, которая намного превосходит роль родителей и строится на приоритетах общественных социальных заказов. Кроме того, контроль за образованием и воспитанием младших осуществляют старшие дети, т. е. детскому сообществу, коллективу придается функция поддержания социальной нормы. Для матери ребенок — “не для себя и не неизбежная расплата за минуты страсти, а драгоценный подарок на протянутых руках всего общества”.

Интересно, что диада взаимоотношений мать-ребенок, такая характерная для российского общества в советском прошлом и остающаяся актуальной и сейчас, полностью перенесена автором в будущее; роль отца, мужчины вообще не просматривается на микросоциальном уровне.

Общность воспитания детей изменяет и суть брака, этикой его становится только любовь и свобода. Дети не являются сколько-нибудь значимой частью общества, этот возраст — лишь период подготовки к жизни в светлом будущем.

Известная идея — утопия детства, представляющая ребенка спасителем человечества, проводится во многих фантастических произведениях. В фантастике роль спасителя отводится простым, обычным детям. На наш взгляд, таким образом авторы пытаются подчеркнуть значимость каждого ребенка. В повести “Недетские игры” Дэвида Бишофа подростки — мальчик-хакер и его подруга — спасают мир от рук военных и воинствующих мужей, сумев остановить главный компьютер Пентагона с помощью детской прозорливости, изобретательности, технических знаний, чистоты и веры, а также с помощью детской игры в “крестики-нолики”.

Современный украинский фантаст В.Аренев в рассказе «Новый Гуттенберг» воссоздает будущее, когда человеческая цивилизация балансирует на грани, куда сама переместилась из-за чрезмерной и поспешной интеллектуализации машин. Вся надежда на детей и специальные группы профессиональных психологов занимаются моделированием особых ситуаций, способных подтолкнуть детей к необычным решениям. Так, мальчик Эрих, готовя шпаргалку на выпускной экзамен, вновь «открывает» для человечества книгопечатание.

Дети часто выступают посредниками в установлении контактов с внеземными цивилизациями, как это происходит в книге У. Котцвинкла “Ип, инопланетянин и его приключения на Земле”.

Роман “Мы” Е. Замятина пронизан косвенными данными о детстве. Главный герой ставит именно детей в пример взрослым: “Дети — единственно смелые философы. И смелые философы — непременно дети. Именно так, как дети, всегда и надо: а что дальше?”. Дети остаются в описываемом темном мире единственно сопротивляющимся компонентом, не считая группы диссидентов. Не случайно, когда изобретается Великая

операция — прижигание узелка-центра в мозге для излечения от фантазии — именно детей, всех сразу повели на операцию, дети, по-видимому, сопротивляются, так как в тексте есть указания на то, что воспитатели их связывают, объясняя, что “любить — нужно беспощадно, да, беспощадно”. Одна из героинь произведения О, безропотно принимающая социальный порядок мира, меняет свое отношение к жизни в ходе повествования, но происходит это под влиянием обстоятельства ее беременности. О ждет ребенка и поэтому не желает ему повторения собственного жизненного пути.

“Дети и молодежь как угроза взрослому миру” — такая позиция обнаружена нами в рассказе Р. Крэйна “Пурпурные поля”. В нем представлен новый технологизированный мир, мир единой программы, “мир, где старикашки не нужны”. Главный герой, 40-летний служащий, уже принадлежит к группе таких “старикашек”, которым отказано в праве работать, управлять, от которых молодые избавляются, посылая их на мифические “пурпурные поля”. Юное поколение восстает против традиций и консерватизма старших, считая, что таким образом последние преграждали путь прогрессу. Инновационное начало детей, как следует из этого произведения, не всегда несет надежду и радость обществу. Доводится до крайней точки имеющийся социокультурный разрыв между поколениями, явно проступающий с современным обществом и эмпирически зафиксированный социологами¹.

Дети как противники или инициаторы противостояния мироустройству — еще один лейтмотив фантастики. Авторы показывают, какими большими протестными возможностями обладают дети.

Рассказ М. Сент-Клэр “Потребители” повествует о жизни детей в групповой семье с групповыми родителями. Главной задачей воспитания провозглашается подготовка потребителя. Норма поведения, возведенная в абсолют, — “Каждый должен делать то, что делают другие”, — прививается с помощью специальных технологий “Прикладной выбор товаров”, “Выбор

¹ См.: Луков В. А., Меламуд В. Э. Компьютер и школа: Социокультурные последствия компьютеризации. — М., 1998.

увлечений” и др. Именно дети становятся в оппозицию к миру взрослых, начинают локальные разрушения. Самый многообещающий будущий рекламщик, как называются эти дети в рассказе, кричит в конце повествования: “Я не хочу ничего хотеть”, а его приемные родители понимают, что этот крик звучит смертным приговором их культуре, что это трещина, через которую прорвется вся вода из так долго сдерживаемой плотины. Показательным является “невыразимое чувство облегчения” у взрослых от этого протеста детей.

Взрослый мир предвидит угрозу, которая может исходить от детей, и поэтому предпринимает некоторые способы ограничения их развития. В рассказе Г. Слезара детям рекомендуются для чтения лишь комиксы, в качестве занятий — простое сидение. В 12 лет дети проходят экзамен — проверку умственных способностей. Правительственная служба просвещения сообщает родителям — героям рассказа, что интеллектуальное развитие их сына превзошло установленные властями уровень, поэтому он как представляющий угрозу для общества должен умереть.

В повести Дж. Уиндема “Отклонение от нормы” дети в результате мутаций, связанных с последствиями третьей мировой войны, обнаруживают необычные телепатические способности, которые их родители классифицируют как отклонение от нормы, разрушающее устои мира. Лишь помощь извне дарует детям защиту от преследующих “отклонений” родителей. Автор не склонен идеализировать родительско-детские отношения.

Российские писатели-фантасты А. Н. и Б. Н. Стругацкие широко использовали образ детства и примеры детей в своих произведениях. Роман “Мальш” повествует о находке на одной из планет Галактики единственного обитателя — мальчика Малыша. Человеческий младенец, волей случая в результате катастрофы попавший на необитаемую планету, выращенный инопланетным бестелесным разумом, представляет по замыслу авторов отдельную новую цивилизацию. На страницах романа представлена

уникальность ребенка, заключенный в нем самый целый мир, показано, как социальная реальность сконструирована им самим в процессе его жизни. В художественной форме мастерами выражена концепция, требующая от любого взрослого (родителя, педагога, воспитателя) бережного отношения, сохраняющего индивидуальность и субкультуру.

Повесть “Гадкие лебеди” (название — парафраз андерсоновского “Гадкий утенок” — применяется для определения детей) повествует о противоборстве детского и взрослого миров, в результате которого дети совершенно обособляются от взрослых, уходят от них строить свой мир. “Вы же прекрасно знаете, что дети ушли от вас по собственному желанию, никто их не принуждал, никто не тащил за шиворот. Они ушли потому, что вы им стали окончательно неприятны. Не хотят они больше жить так, как живете вы и жили ваши предки. Вы очень любите подражать своим предкам и полагаете это человеческим достоинством, а они — нет. Не хотят они вырасти пьяницами и развратниками, мелкими людишками, рабами, конформистами, не хотят, чтобы из них сделали преступников, не хотят ваших семей и вашего государства”. Здесь ясно передана суть конфликта между детством и взрослым миром. Дети обладают социальной волей и групповой силой, они намерены впредь строить свои отношения со взрослыми на партнерских основаниях. Взрослые вынуждены смириться с такой позицией детей, так юных поддерживают посредники. (Кто они — инопланетяне, сверхлюди, мутанты? Вопрос этот так и остается для читателей без ответа).

Совсем иначе реагирует взрослое сообщество на особое субкультурное образование подростков — Флору, появившуюся на страницах другой повести Стругацких “Отягощенные злом, или Сорок лет спустя”. Здесь снова звучит те же объяснения неприятия детьми жизни взрослого сообщества: “Дети не бегут во Флору, они образуют Флору. Вообще они бегут не “куда”, а откуда. От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир, который и создают по мере слабых сил своих и способностей. Мир этот не похож на

наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо самих себя”.

В произведении полно и убедительно воссозданы черты контркультуры, являющейся сегодня атрибутом молодежной, а, по мнению писателей, в близком будущем (речь идет, по-видимому, о начале XXI века) распространяющейся и на более ранние возрастные группы. Прозорливые писатели видят в этих явлениях новую компоненту человеческой цивилизации, новую самодовлеющую культуру, новый образ жизни, близкий к природе и естеству. “Младенец непригляден, даже уродлив, он вопит и гадит, но он обречен на рост, и в обозримом будущем он обречен занять свое место в структуре человечества”. При отсутствии посредников между подобными детскими новообразованиями и ортодоксальными структурами авторы предрекают столкновения, вплоть до физических, военных, как и завершается эта повесть.

Полная эмансипация девятилетней девочки Эмбер от родительской опеки описывается в повести британского писателя Чарльза Стросса «Ореол». Новое поколение детей с вживленными имплантатами не желает ни понимать, ни принимать заботу, нормы, религию, ценности старшего поколения. «Я устроена не так, как маленькие девочки во времена их детства, а они этого не понимают. Вы ведь знаете, что старики нас просто не выносят?». Эти дети не признают себя детьми, не желают, чтобы ими «владели» родители, сожалеют о невозможности развестись с ними. Но при этом новое поколение не только выполняет сложнейшую техническую работу в космосе, но и первым устанавливает контакт с инопланетным разумом.

В ряде произведений детство предстает производной от взрослого мира, как правило негативно оцениваемого авторами. В произведении Дж. Оруэлла “1984”, по его собственному утверждению, сохранены звуки, запахи и цвета его школьного детства. Формальные, жесткие методы образования и

воспитания нынешних детей — школьников распространятся на все устройство общества, возводятся в абсолют. В мире будущего не будет места живому и беззаботному детству.

Антиутопия “ О дивный новый мир” О. Хаксли подробно повествует о процессе социализации детей будущего. Детство предстает в обществе будущего лишь процессом усвоения норм и ценностей взрослого порядка, не допускаются ни детские сообщества, ни детская субкультура. Выращенные в инкубаторах, воспитанные в специальных государственных воспитательных центрах — младопитомниках, не знающие родительско-семейных отношений, — только такие люди, по описанию романиста, будут достойными членами общества потребления, к которому стремится человечество сегодня. В описании детства будущего у Хаксли просматриваются многие современные концепции трансформации: исчезновение или уничтожение детства, эмансипация детства. Для детей более не существует закрытых тем, так детям раннего возраста преподаются начала секса, поощряются сексуальные игры детей. В залах неопавловского формирования рефлексов с помощью ударов электрического тока детям прививают отвращение к книгам и красоте. Стандартизируются социализационные траектории детей, воспитание и образование строится для воссоздания кастового самосознания. В детской среде приветствуются уже упоминавшиеся выше сексуальные игры, способствующие росту потребления, и спортивные, четко определенные для каждой отдельной страты. Полностью отрицается семейное воспитание, даже слова “мать” и “отец” становятся ругательствами.

У известного американского фантаста Р. Бредбери мы выбрали два рассказа “Вельд” и “Улыбка”. Интересно, что эти рассказы несут в себе прямо противоположные взгляды на детство будущего. В “Улыбке” действие разворачивается в далекой перспективе, когда человечество, пережив механизированный, технологизированный этап истории (как раз и описанный в “Вельде”), разрушительную войну, спровоцированную этим техномиром,

пытается выжить в новых для себя условиях. Весь свой гнев, обиду на трудности бытия люди вымещают с помощью специально организованных ритуалов: разрушают сначала машины, а затем и произведения искусства. Выставленный шедевр “Мона Лиза — Джоконда” уничтожается, оплевывается, разрывается озверевшей толпой. И только мальчик оказывается способным оценить красоту и значение искусства, спасает маленький кусочек великой картины — улыбку. Так преломляется в данном произведении отмеченная нами выше идея “богоизбранности” ребенка, его природной близости к искусству, добру и справедливости.

В “Вельде” родители, занятые своей жизнью и работой, при поддержке общественных настроений позволяют виртуальной игровой комнате занять сначала время, а затем и место в сердцах своих детей. Игровая, силой фантазии детей превращенная в кусочек Африки — вельд, где дети с увлечением придумывают и оживляют сцены охоты львов и стервятников, заменяет юному поколению любое общение, родителей, взрослых и даже сверстников. Рей Бредбери отступает от идеи идеализации детей, он показывает, как, адаптировавшись к предложенным им условиям, дочь и сын хитро и хладнокровно убивают своих родителей и готовы повторить этот акт с другими людьми в случае попытки оставить их без комнаты. В этом рассказе также отражена, на наш взгляд, имеющаяся в сознании современных людей “моральная паника” относительно негативных влияний и последствий воздействия на детскую психику новых средств массовой коммуникации.

В двух представленных рассказах, иллюстрирующих разные подходы к социальной характеристике ребенка, писатель уловил особую тенденцию в развитии детства — его индивидуализацию и дестандартизацию в условиях многомерности и фрагментарности развития общества.

Ч. Айтматов не является в прямом значении этого слова писателем-фантастом, во всяком случае сам себя таковым не считает. Однако во многих его произведениях есть элементы символические, прогностические, ирреальные. В одном из его романов “Тавро Кассандры” детям отводится

исключительная символическая роль. Еще не рожденные дети подают о себе и своей воле сигнал взрослому, внешнему миру посредством появляющихся у их матерей на лице пятен, которые и называют “тавром Кассандры”. Автор проявил стремление расширить “нижние” границы детского возраста, считая человеком, индивидуумом находящийся в чреве матери плод. По-видимому, это представление сформировано под влиянием восточных религий и представлений, когда новорожденный уже имеет возраст, исчисляемый от момента зачатия. Пятно появляется у женщины как знак того, что ребенок не хочет рождаться в этом мире. Таким образом дети, становятся своеобразным рупором идеи неблагополучия развития планеты, символом стыда для взрослого мира, который не может и не хочет подарить им лучшую, достойную жизнь.

В рассказе американского фантаста У. Тенна "Семейный человек" ребенок становится обязательным атрибутом благополучной жизни, он символизирует достаток, подобно дому, бытовой технике, месту проведения досуга, он — необходимое условие повышенного статуса в обществе. Очередной ребенок дает новые статусные преимущества, четвертого сына супруги — герои рассказа называют "наш сыночек для загородного клуба", так как с разрешением на его рождение они получили доступ к очередной ступени благ. Ребенок появлялся лишь тогда, когда государственное бюро, изучив супругов с точки зрения наследственности и домашней обстановки, приходит к выводу, что доход позволяет создать будущему ребенку все необходимые условия. Ограничения рождаемости в этом произведении объясняется следующими идеологическими соображениями: “Или мы будем уверены, что каждый ребенок рождается с прочными шансами на достойную и счастливую жизнь, что он нужен и дорог, или возвратимся к безответственным методам рождения детей прошлых столетий?”.

У. Тенн отображает возможность превращения в будущем ребенка в своеобразный товар и фактор восходящей социальной мобильности. Так поступает богатый успешный сосед главных героев рассказа, формально

усыновляя ребенка: “ Официально будет считаться, что у меня ребенок. Ребенок, о котором я смогу говорить и хвастаться, как другие хвастаются своими детьми. Мне до смерти надоело быть бездетным холостяком — я хочу иметь кого-то”.

Сформулируем некоторые выводы из проведенного качественного анализа, имеющие значение для специальной социологической теории детства.

Литература, так же как и религия, наука, идеология, закон, может выступать движущей силой социального конструирования реальности. Авторы произведений, устремленных в будущее, оказывают своеобразное влияние на представления социума о возможных изменениях детства в ближайшей и отдаленной перспективе. К писателям-фантастам могут быть применены оценки П. Бурдьё: “Он <автор — С. Щ.> глубоко трансформирует видение мира, т. е. категорий его восприятия и оценивания, принципов конструирования социального мира, определения того, что важно, а что нет, что заслуживает быть представленным, а что нет”.

Общественное значение этих книг огромно, так как к художественным произведениям простые люди — обыватели обращаются значительно чаще, чем к научной литературе. Основные потребители научно-фантастических книг сегодня молодежь и сами дети, а значит велика вероятность того, что представленные в данных произведениях модели напрямую обращаются к их рефлексии, эмоциям, переживаниям, воздействуют на них и взрослых и таким образом конструируют социальную реальность в ее объективном и субъективном значении.

Социальные фантасты акцентируют свое внимание на описании страшного, негативного, часто показывают, к чему может привести те факты и явления в обществе, которые сегодня еще едва различимы.

Образ будущего детства открывает перспективу, которая для сегодняшнего дня является достаточно внятной, понятной, объяснимой, тем самым устраняется атавистический страх перед неизвестностью и

«непонятным» молодым поколением. В социальной фантастике сходятся несколько векторов настоящего и тем самым происходит своеобразная конвергенция различных трансформаций современности.

В литературных текстах фантастов происходит репрезентация жизни в ее потенциальных возможностях, т. е. существует множество сценариев развития будущего детства, однако, мы выяснили, что эти сценарии имеют некий ограниченный спектр:

детство — надежда мира;

дети - угроза взрослому сообществу;

дети — посредники в общечеловеческих делах, контактах и конфликтах;

дети — символы негативного мироустройства,

дети — символы новых позитивных перемен.

Детство в будущем не исчезнет как социально сконструированная реальность, хотя будет подвержено некоторым весьма существенным изменениям. Возрастные рамки детства будущего в основном совпадают с сегодняшними подходами. Детский период останется периодом получения образования, хотя его система и содержание могут существенно измениться, степень радикальности этих изменений варьируется у различных авторов.

Ощущается настоятельное требование времени — переосмысление подходов к воспитанию детей. Здесь писатели, выражая общественные сомнения, фокусируются на проблеме, как в дальнейшем не следует воспитывать детей, если мы не хотим в реальности получить описанное ими в книгах.

Особую роль в социализации ребенка фантастика отводит технологическим новинкам, средствам массовой коммуникации, в целом оценивая это воздействие как негативное. Здесь находит свое отражение общий процесс переосмысления последствий технического прогресса, на смену восторженным предвидениям технических новшеств и совершенств в

фантастике прошлого и начала нынешнего века пришло осознание неоднозначности их влияния на человека.

Отношения между детьми и взрослыми как на микросоциальном, так и на макросоциальном уровне серьезно изменятся. Фантастика прогнозирует усиление межпоколенческих конфликтов, выдвигает идеи о возможности непосредственных силовых столкновений.

Писатели предполагают, что государство и далее будет вмешиваться в семейную сферу, связанную с детьми, включая рождение, воспитание, образование детей, постепенно расширяя сегменты этого вмешательства до возможного огосударствления детей. Произведения могут быть источником некоторых социальных технологий образования, воспитания, государственной защиты и поддержки детей сегодняшнего времени.

1. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность.- М.: Московский рабочий, 1977.- С.49.
2. Проневская И.В. Методологические проблемы исследования социальной ценности семьи. (Сравнительный анализ содержания литературных текстов XIX и XX вв..) - Дисс.... к.с.н. – М., 1993.
3. Ханин В.Н. Педагогический анализ художественных произведений о детстве. – Дисс...к.п.н. - Екатеринбург, 1997.
4. Щеглова С.Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. – М.: Социум, 2001. – 84 с. и др.
5. Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. - М.: Socio-Logos, 1994. - С.220.